

УДК 94(47)

КРЕСТЬЯНСКИЙ СХОД В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Д.В. Волков

Аннотация

В статье рассматривается крестьянский сход как одна из важных составляющих повседневной жизни российского крестьянства дореволюционного периода. Особое внимание уделяется изменениям в составе участников и процедуре голосования, произошедшим на рубеже XIX – XX в., а также усилению роли коштанов в работе крестьянского схода в Казанской губернии.

Ключевые слова: сельский сход, волостной сход, сельский староста, волостной старшина, процедура голосования, коштан, Казанская губерния.

В отечественной историографии вопрос общественной жизни российского крестьянства в конце XIX – начале XX в. является достаточно разработанным (см. [1–3] и др.). Существенный вклад в изучение этой проблематики внесли и казанские историки-этнографы, среди которых следует выделить Е.П. Бусыгина и Е.В. Михайличенко (см. [4, 5]). Однако проблемы общественного быта, в частности функционирования крестьянского схода, данными авторами рассматриваются в одном тематическом плане: описывается порядок работы сельского схода, раскрываются функции сельских должностных лиц, процедура их выбора и т. д. Таким образом, до настоящего времени не получала должного освещения проблема борьбы группировок на сходе при принятии решений по вопросам, касающимся быта крестьян. Полагаем, что применение социокультурного подхода к изучению рассматриваемой тематики позволит осуществить гораздо более глубокий ее анализ.

Как известно, повседневная жизнь российского крестьянства, в том числе и крестьян Казанской губернии, всецело была связана с общиной, которая к началу XX в. по-прежнему оставалась почти единственной формой землепользования в стране. Участие крестьян в сходах – народных собраниях представителей общины – являлось одним из основных проявлений их общественной активности. По степени значимости выносимых на обсуждение вопросов сходы подразделялись на селенские, или деревенские, сельские и волостные.

Селенские сходы представляли собой собрания крестьян одной деревни, как правило, входившей в состав сложной общины, на которых обсуждались и решались ее частные хозяйственные и культурно-бытовые вопросы. В Казанской губернии селенские сходы были весьма редким явлением, в основном встречавшимся у марийских и чувашских крестьян. На сельские сходы собирались

представители одного сельского общества, здесь рассматривались более важные вопросы, такие, например, как сбор податей, выбор старост, сборщиков налогов. Волостные сходы представляли собой собрания крестьян нескольких селений, составлявших волость. На волостном сходе было обязательным присутствие должностных лиц волостного и сельского управления. Согласно изменениям в законодательстве, принятым в 1889 г., право участия в нем получил также земский начальник. На волостном сходе председательствовал, как правило, волостной старшина. Что касается сельского схода, то здесь эту функцию исполнял староста, избиравшийся в Казанской губернии обычно на 3 года [4, с. 48].

Сельские сходы проводились регулярно, как правило, с периодичностью раз в месяц. Иногда, в случае каких-либо важных событий и чрезвычайных обстоятельств, сход созывался досрочно. Отдельную крестьянскую семью перед общиной обычно представлял хозяин или же старший ее член от каждого двора, чаще всего мужчина [5, с. 166]. Причем корреспондентами «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева было отмечено, что поведение крестьянина на сходе и в обыденной жизни разнилось. Участник схода чувствовал поддержку определенной группы односельчан или всей общины, поэтому смотрел на местных должностных лиц самоуверенно, мог себе иногда позволить открыто критиковать вышестоящие органы власти, даже царское правительство [6, с. 273].

До отмены крепостного права в 1861 г. на сходах процедура голосования часто завершалась единогласным принятием решения. Если кто-либо из членов общины не соглашался с мнением большинства, то в дело вступали уговорщики из числа уважаемых людей (старейшин), которые, используя свой авторитет, старались склонить несогласных крестьян поддержать решение основной массы односельчан. Во многих случаях несогласные вынуждены были принять сторону большинства, чтобы не конфликтовать с сельским обществом (миром) [7, с. 446]. Ставя подписи под приговором и выражая таким образом свое «согласное» волеизъявление, участники схода отдавали дань многовековой общинной традиции, закреплённой в нормах обычного права [8, с. 46–47].

Типичным явлением для крестьянских сходов всех уровней были горячие споры их участников, представлявших различные сельские кланы. Обсуждение насущных проблем сопровождалось криками и перебранками, иногда дело доходило и до драки. Крепкое словцо и едкая ирония часто служили на сходе в качестве средств убеждения противников. Очевидцу подобного обсуждения, наверное, трудно было понять, как крестьяне, находящиеся на значительном расстоянии друг от друга, отстаивающие противоположные точки зрения, сквозь крики и брань могут услышать предлагаемое оппонентами [6, с. 273]. Тем не менее именно в таких условиях принимались решения на всех сходах в Казанской губернии даже в начале XX века [4, с. 62; 9–11].

К концу XIX в. внутри деревенского сообщества все чаще стали возникать противоречия экономического и социального характера, что обусловило усиление борьбы между кланами внутри общины и отразилось на работе схода. В условиях развития на селе торгово-предпринимательских отношений представители бедноты все чаще оказывались в зависимости от более богатых односельчан. Более того, как отмечал крестьянин А.Н. Шаров, в Мамадышском уезде зажиточные крестьяне старались принимать активное участие в наиболее важных

общественных делах, например, в сдаче права торговли вином, переделе крестьянской земли, сдаче ее в аренду, с тем, чтобы получить от этого личную выгоду [12]. Добиваясь поддержки своих интересов на сходе, богатеи использовали самые разные способы убеждения, а фактически принуждения гораздо менее состоятельного большинства селян. Не редкостью были случаи, как, например, в с. Ново-Шешминске Чистопольского уезда, когда кулаки угощали крестьян спиртным, покупая тем самым их поддержку. Со временем даже сформировалась категория лиц, которые за одну рюмку готовы были предать родного отца [11]. В таких условиях крестьянам все реже удавалось достигнуть согласия по экономическим вопросам, особенно земельному.

Следует заметить, что в это же время происходит изменение процедуры голосования на сходе. Если раньше решения принимались без острых разногласий или путем примирения сторон в ходе уговоров, то теперь в отдельных местностях Казанской губернии сельский староста делил присутствовавших на собрании крестьян на группы в зависимости от того, какую из противоположных позиций они поддерживали, а после осуществлял подсчет голосов. Чаще всего поддержку получало мнение группы наиболее задиристых и крикливых. Таким образом, определяющее значение при выборе решения на сходе стали играть действия горлопанов (коштанов) [11]. Последние в основном были людьми небогатыми, самонадеянными, им, в отличие от основной массы уравновешенных по натуре крестьян, были присущи наглость и уязвленное самолюбие, что позволяло этим «ловкачам» привлекать на свою сторону индифферентную часть схода.

На рубеже XIX – XX вв. в условиях изменения правовой культуры населения, когда практика обращения в волостные суды заменяла применение наказания в форме так называемой таски (избиения ремнем или плетью), на селе происходил постепенный отказ крестьян от самосуда. Именно с этим обстоятельством старейшины общины связывали увеличение случаев, когда «крикуны-коштаны ворочали миром, как им вздумается» [13]. Воспользоваться правом изгнания со схода таких «неспокойных» лиц, как коштаны, крестьяне решались все реже, поскольку за этим действием могла последовать месть. Перекричать же богатея с нанятыми им горлопанам в условиях все усиливающейся в начале XX в. социальной разобщенности крестьянства сельским обывателям было часто не под силу, поэтому во многих случаях им приходилось смириться с ходом событий, отступить [11]. Это сказывалось на количественном составе участников сходов: многие крестьяне не видели смысла присутствовать на этих собраниях, расценивая участие в них как несение повинности. Здесь же необходимо отметить, что происходившее на протяжении второй половины XIX в. увеличение состава участников сходов за счет представителей молодого поколения¹ не привело к радикальному изменению характера и результатов обсуждения на них. Патриархальные традиции общины ограничивали в действиях молодежь, заставляя подчиняться неписаным правилам предков. Нередко молодежь добровольно отказывалась от участия в работе сходов, оценивая их

¹ Об этом красноречиво свидетельствует показатель средней численности членов семьи в Казанской губернии, который в 1858 г. составлял 6,82, а в 1897 г. – 5,53 человека [4, с. 118].

не иначе как формальность [14]. В народе по этому поводу ходили такие отговорки: «Что мне – там старики все справят и без меня» или «Лучше отсутствовать, пускай горлопаны решают» [14; 6, с. 333].

Незаинтересованность крестьян в посещении сельских собраний иногда приводила к отсутствию кворума при голосовании¹. В таком случае, чтобы не созывать сход повторно, под приговором записывали фамилии умерших крестьян или пришедших на это собрание детей. Учитывая это обстоятельство, следует иметь в виду, что в начале XX века только особо важные вопросы, непосредственно касавшиеся хозяйственной деятельности конкретного общинника, а также праздничные дни, когда предполагалось, что собрание завершится застольем (у православных – распитием магарыча), могли собрать на сход всех возможных его участников. Естественно, что подобное отношение крестьян к работе сельского схода усиливало позиции зажиточных общинников и коштанов.

В то же время следует заметить, что индифферентность крестьян по отношению к общественной жизни проявлялась не только в игнорировании деятельности сходов, но и в нежелании исполнять обязанности сельского старосты или волостного старшины. Дело в том, что работу на этих должностях крестьяне расценивали не иначе как повинность, и поэтому чаще всего отказывались занимать их. Более того, они не желали предстать перед односельчанами «злой хозяйской собакой» [15, с. 84]. Судя по воспоминаниям волостного старшины С. Матвеева, именно так воспринимался сельским обществом крестьянин, назначенный сходом и согласившийся служить по одной из этих должностей [15, с. 84]. К тому же крестьяне в большинстве своем были инертными, старались не брать на себя ответственности за односельчан. С обнародованием «Положения об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам» от 27 июня 1874 г. нежелание крестьян занимать эти должности только усилилось, поскольку выросла ответственность сельских и волостных выборных лиц перед главой полицейской власти в уезде – уездным исправником. Кроме того, крестьян не удовлетворял размер денежного вознаграждения за работу, особенно за исполнение обязанностей сельского старосты. Так, в с. Старо-Шешминске Чистопольского уезда староста получал всего 36 руб. в год, в то время как расходы крестьянского хозяйства составляли не менее 70–80 руб. в год. В связи с этим возникала необходимость возмещения материальных потерь, вызванных службой на этой административной должности. Нередко это возмещение осуществлялось за счет использования должностных полномочий в корыстных целях (см. (НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 585. Л. 1–2); [5, с. 166]). Подтверждением данного факта может служить замечание мордовского крестьянина из д. Шигали Тетюшского уезда о том, что староста с коштанами могли «вершить дела на миру», а производимые ими финансовые растраты обычно покрывались за счет сумм из общественных касс [16]. По этой причине на сходах все чаще звучало предложение крестьян выбирать на должность сельского старосты «из лучших людей». При этом кандидат обязательно должен был быть бобылем, человеком честным, толковым и грамотным и ни в коем случае не нанятым

¹ Кворум составлял 1/2, а в некоторых селениях Казанской губернии 2/3 всех домохозяев, имевших право голоса на сходе (НА РТ. Ф. 1, оп. 4, д. 1382. л. 91, 120).

за денежную плату. Однако следует иметь в виду и то обстоятельство, что порой и честные уважаемые крестьяне допускали мелкие должностные злоупотребления с целью поскорее избавиться себя от занимаемой должности [17].

Безусловно, и во времена действия крепостного права сельскими должностными лицами совершались финансовые преступления, но в конце XIX – начале XX в. их количество увеличилось, поскольку в силу указанных выше обстоятельств выборные должности сельских управленцев, как правило, занимали крестьяне хваткие, нередко из числа состоятельных, не отличающиеся безупречной репутацией. В связи с этим повсеместно распространенным явлением на волостных сходах стали различные ухищрения зажиточных крестьян, а также волостных старшин (например, подкуп или угощение участников собрания спиртными напитками), применяемые с целью получить право службы в высоких по статусу учреждениях, а значит, и гораздо более широкие возможности для удовлетворения своих корыстных интересов. Так, крестьянин Ядринского уезда Ефим Горбунов, сын богатого землевладельца, желая быть избранным на службу в земство и в дальнейшем «проявить себя в качестве лесопромышленника», заранее угостил одну часть членов волостного схода спиртным, а второй выдал деньги (НА РТ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 780. Л. 5). К этим ухищрениям отдельных лиц, стремившихся обеспечить себе карьерный рост, многие крестьяне относились негативно. В своих коллективных прошениях, адресованных на имя казанского губернатора, они требовали обеспечения справедливости при выборах на сходах в органы местного самоуправления (НА РТ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 814. Л. 2). Обращения подобного содержания свидетельствовали о развитии общественного правосознания в среде крестьян.

Таким образом, период конца XIX – начала XX в. характеризовался социальным расслоением крестьянства, существенным несовпадением экономических интересов отдельных членов общины. В деятельности схода это проявилось в изменении процедуры голосования: произошел постепенный отказ от коллективного единства при принятии решений. Несмотря на увеличение количественного состава крестьянского схода за счет молодых крестьян, качество его работы существенно не изменилось, поскольку молодежь по ряду причин, главным образом в силу воспитания в духе патриархальных традиций, не имела возможности повлиять на исход обсуждения и нередко вовсе отказывалась присутствовать на собрании. Наиболее влиятельными участниками схода в этот период «действенных» и авантюрных, пользуясь нерешительностью и безропотностью становятся подкупленные зажиточными крестьянами коштаны. Имея славу людей большинства крестьян, их отказом от применения самосуда, они совместно со старостами или сельскими богатеями безбоязненно осуществляли различные хозяйственные и финансовые махинации в сельском обществе.

Summary

D.V. Volkov. Country Meeting in Kazan Province in the Late 19th – Early 20th Centuries.

The article deals with a country meeting as one of the important components of a daily life of the Russian peasantry during the pre-revolutionary period. Special attention is paid to the changes in membership and a voting procedure at the turn of the 19th – 20th centuries,

as well as to the strengthening of the role of koshtans (or the so called “roarers”, the peasants who owing to their self-confidence and adventurism could influence voting results) in the work of a country meeting in Kazan Province.

Key words: country meeting, volost meeting, village headman, volost foreman, voting procedure, koshtan, Kazan Province.

Источники

НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 1 (Канцелярия казанского губернатора).

НА РТ. Ф. 419 (Казанское губернское по земским и городским делам присутствие).

Литература

1. *Безгин В.Г.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). – URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezgz/, свободный.
2. *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
3. *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. – М.: Наука, 1986. – 278 с.
4. *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. – 166 с.
5. *Михайличенко Е.В.* Семейный и общественный быт русского сельского населения Казанской губернии (конец XIX – начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1971. – 249 с.
6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева / Сост. И.И. Шангина. – Т. 4. Нижегородская губерния. – СПб.: Навигатор, 2006. – 411 с.
7. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. – Т. 1. – 588 с.
8. *Дружинин Н.П.* Очерки крестьянской общественной жизни. – СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена, 1905. – 265 с.
9. Как поддержать порядок на сходах и собраниях // Казан. газ. – 1906. – 19 марта. – № 12.
10. Предстоящий передел // Казан. газ. – 1904. – 26 сент. – № 39.
11. *Былинкин [Ф.П.]*. По поводу раздела земли // Казан. газ. – 1905. – 9 янв. – № 2.
12. *Шаров А.Н.* Порядок раздела земли // Казан. газ. – 1905. – 30 янв. – № 5.
13. Водка вместо таски // Казан. газ. – 1904. – 20 июня. – № 25.
14. Хорошее и плохое нашей деревни // Казан. газ. – 1905. – 9 янв. – № 2.
15. *Матвеев С.* Из жизни современного крестьянского мира (в волостных старшинах) // Русское богатство. – 1912. – № 2. – С. 74–101.
16. Плохой мир – плохой и староста // Казан. газ. – 1904. – 9 мая. – № 19.

-
17. *Батуров Д.* Из жизни сельского самоуправления // Казан. газ. – 1905. – 20 марта. – № 12.

Поступила в редакцию
29.11.09

Волков Дмитрий Владимирович – аспирант Института Татарской энциклопедии
АН РТ, г. Казань.
E-mail: *dimon8296@yandex.ru*